

УДК 81-11

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ВАЛЕНТНОСТИ

А.С. Токтоназарова

Предпринята попытка определить основные вопросы теории лингвистической валентности и в сопоставительном аспекте проанализировать глагольные юридические термины, а также признать глагол-верб основным элементом и основой сопоставляющей теории валентности.

Ключевые слова: валентность; типы валентности; облигаторная валентность; факультативная валентность; реальная действительность; мышление; языковая система; реальная валентность; вербоцентрическая теория предложения.

ЛИНГВИСТИКАЛЫК ВАЛЕНТТҮҮЛҮК ТЕОРИЯСЫНЫН НЕГИЗГИ МАСЕЛЕЛЕРИ

А.С. Токтоназарова

Лингвистикалык валенттүүлүк теориясынын негизги маселелерин аныктоого аракет жасоо менен этиштик юридикалык терминдерди салыштырма аспектисинде талдоо жүргүзүлдү, ошондой эле верб-этишин салыштырма валенттүүлүк теориясынын башкы элементи жана негизи катары эсептөөгө аракет жасалды.

Түйүндүү сөздөр: валенттүүлүк; валенттүлүктүн түрлөрү; облигатордук валенттүүлүк; факультативдик валенттүүлүк; реалдуу чындык; аң-сезим; тил системасы; реалдуу валенттүүлүк; сүйлөмдүн верб борбордук теориясы.

MAIN ISSUES OF THE THEORY OF LINGUISTIC VALENCY

A.S. Toktonazarova

The article is devoted to identification of the main issues of the theory of linguistic valency and in a comparative aspect has been analyzed verbal legal terms. The verb has been recognized as the main element and basis of the comparative theory of valency.

Keywords: valency; types of valency; obligatory valency; facultative valency; objective reality; thinking; language system; real valency; verbocentric theory of sentence.

Понятие “валентности” было заимствовано языкознанием из науки химии, где оно обозначает “способность атома химического элемента (или атомной группы) образовывать определенное число химических связей с другими атомами (или атомными группами)” [1, с. 170].

Конечно, в языкознании используется не “химическое” значение указанного выше термина “валентность”, а понятие валентности, присутствующее элементу в смысле “сочетаемости”. В языкознании укрепилось понимание валентности как способности “...слова вступать в синтаксические связи с другими элементами” [2, с. 79].

Понятие валентности было введено в русское советское языкознание известным ученым С.Д. Кацнельсоном в 1948 г. в толковании: “Свойство слова определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами” [3, с. 132]. В русском советском языкознании появились серьезные исследования, посвященные проблеме валентности.

Так, можно выделить известную фундаментальную работу советских ученых М.Д. Степановой и Г. Хельбига. “Части речи и проблемы валентности в современном немецком языке”

(1978), которая, по нашему глубокому убеждению, является основополагающей не только для немецкого языка и германского языкознания, но также для общего языкознания и для других частных языкознаний, в том числе русского и кыргызского.

Если в русском языкознании широко известны основательные труды ученых М.М. Копыленко (1973) и Л.Д. Чесноковой (1980), посвященные изучению валентностных свойств языковых элементов, то в кыргызском языкознании первыми серьезными работами в этой области лингвистики можно считать исследования ученых Ч.К. Наймановой (2004) и Г.П. Айдыралиевой (2011).

В теории валентности три проблемы представляются наиболее важными:

1) проблема типов валентности языковых единиц, а именно, реализация валентности на трех уровнях: логическом, семантическом и языковом;

2) проблема реальности-потенциальности валентностных свойств языковых единиц, которая находит свою актуализацию в качестве облигаторной и факультативной валентности;

3) проблема вербоцентрической теории предложения и валентности, которая признает глагол-сказуемое в качестве основного носителя валентности.

Проблема типов валентности языковых единиц, а именно, реализация валентности на трех уровнях: логическом, синтаксическом и собственно языковом, – соотносится и зависит от общезыковедческой проблемы, выраженной в триаде: реальная действительность – мышление – языковая система.

Реальная действительность, существующая в реальности и вне зависимости от человека, отражается в человеческом сознании в виде различных логических умозаключений и суждений. Наука логика и наука семиотика (а последняя является предтечей языкознания) обосновывают в этой связи логические предикаты высказываний $R(x, y)$, которые принадлежат уровню человеческого сознания. Именно здесь реализуется логическая валентность, которая соединяет в человеческом сознании различные языковые элементы: белый + снег (но не: сладкий снег) [4, с. 154; ср.: 5, с. 36–37; 6, с. 133–134].

Даже понятие языковой валентности перемещается в языковую структуру, а именно, в семантическую структуру языка, когда

посредством человеческого мышления предметом и объектом реальности даются языковые обозначения – имена. “Язык участвует в процессе отражения, поскольку языковые структуры обозначают определенные явления объективной реальности, но они связаны с объективной реальностью не непосредственно, а через отражение действительности в сознании” [4, с. 158].

Здесь, на семантическом уровне, уже действуют языковые сущности в виде понятия “агенса (производитель) действия” – “семантическое действие” – “пациенса (претерпевающий) действия”.

Понятие валентности перемещается в собственно языковую систему, когда оно реализуется в предложении – высказывании; здесь уже действуют собственно языковые элементы, типа: $S + Pred. + Obj.$ (подлежащее + сказуемое + дополнение). Собственно языковая валентность сообщает наиболее полную информацию о валентностных свойствах языковых единиц и дает пояснения, почему возможны словосочетания, например, в русском языке типа: “заклятый враг” и “закадычный друг”, но невозможны словосочетания “закадычный враг” и “заклятый друг” [см.: 7, с. 29, ср.: 8, с. 9].

Проблема реальности-потенциальности валентностных свойств языковых единиц находит свою реализацию в качестве облигаторной и факультативной валентности.

Реальной валентностью языковой единицы в теории валентности признается та, которая необходима (облигаторно) присуща лексеме или словосочетанию. Потенциальной же валентностью считается такая валентность, которая у языковой единицы не имеет облигаторного характера, т. е. является факультативной. Например, во многих языках, в том числе в русском и кыргызском языках, имеются переходные глаголы, которые требуют после *уйду кайтаруу*, *этти майдалоо*, *баланы багуу* наличие существительного-объекта в форме косвенного падежа. Такие необходимые существительные-объекты обозначаются в теории валентности как облигаторные партнеры; например, в русском языке: *возбудить желание*, *рождать восторг*, *разбередить боль*; в кыргызском языке: *уйду кайтаруу*, *этти майдалоо*, *баланы багуу* [ср.: 7, с. 40; 9, с. 61].

То есть в вышеприведенных примерах мы имеем реальную валентность облигаторного характера, без которой языковая единица не может наиболее полно реализовать свое значение.

Потенциальная валентность связывается с факультативной реализацией партнера языковой единицы. *Партнеры по валентностным отношениям* могут быть употреблены при языковой единице в составе словосочетания и далее предложения, а могут и не быть употребленными – это зависит от структуры внеязыковой ситуации.

Так например, в русском языке те же самые глаголы с реальной валентностью и обязательными партнерами могут обладать потенциальной валентностью и факультативными партнерами. Например, русская лексема “возбудить” имеет при себе обязательного партнера “желание” и в то же время присоединить к себе и факультативного партнера “в нем” – “возбудить желание в нем”. Или кыргызская лексема “кайтаруу” имеет при себе обязательного партнера “уйду” и в то же время присоединить к себе и факультативного партнера “жакшы” – “уйду жакшы кайтаруу” [ср.: 9, с. 10; 10, с. 21].

Проблема вербоцентрической теории предложения и валентности, которая признает глагол-сказуемое в качестве основного носителя валентности, связана с сущностными характеристиками глагола как знаменательной части речи, прямо коррелирующего с синтаксической функцией сказуемого. Многие ученые признают, и думается небезосновательно, глагол в качестве ведущей лексемы, доминирующей над другими лексемами, как в парадигматике в различных грамматических конструкциях, так и в синтагматике в употреблении в составе предложения – высказывания. “Признание конституирующей роли глагола в предложении отличается от его статуса при классическом анализе предложения, при котором субъектно-предикатные отношения рассматриваются в качестве основы предложения... согласно вербоцентрической теории предложения именно глагол в функции предиката конституирует предложение, как носитель валентности он предполагает наличие вокруг себя определенных открытых позиций, число и характер которых точно детерминированы и которые могут и должны заполняться актантами” [4, с. 171–172; ср. 5, с. 101].

Основная, доминирующая роль глагола проявляется, по мнению сторонников данной вербоцентрической теории валентности, только в синтаксической позиции сказуемого – предиката, где глагол реализует свое основное значение процессуальности (действия и состояния)

и где глагол обозначает основное предикативное действие, без которого предложение теряет всякий смысл. В синтаксической позиции сказуемого глагол направляет, управляет и доминирует над прочими членами предложения, как над главным членом предложения подлежащим, так и над второстепенными дополнением, обстоятельством и определением. Более того, глагол-сказуемое может доминировать и над такими лексемами, которые не являются членами предложения, например, над междометиями.

Такая способность глагола к доминированию и управлению “или его валентность, заложена в нем самом, обусловлена принадлежностью его к данной части речи (т. е. категориальным значением), его семантикой, словообразовательными связями и с различной степенью полноты и систематически фиксируются в толковых словарях русского языка [11, с. 9; ср.: 6, с. 12].

Данная проблема вербоцентрической теории предложения и валентности прямо выводит исследователя на две другие проблемы: а) Глагол-верб является носителем валентности в силу принадлежности к полнозначным, знаменательным, именным частям речи, а обладают служебные, строевые, вспомогательные части речи носителями валентности? и б) глагол-верб является носителем валентности и исполняет свои валентностно-образующие функции как активный носитель валентности, от которого распространяется действие в структуре предложения, а какие части речи и, соответственно, члены предложения выступают как пассивные носители валентности?

А) В данной проблеме важна и актуальна одна сторона явления: обладают ли служебные части речи валентностными свойствами, или же они такими свойствами не обладают? О знаменательных частях речи в языкознании и в теории валентности мнение одно: они обладают все без исключения валентностью, т. е. способностью присоединить к себе другие лексемы, а среди них глаголы занимают ведущее место, они способны проявлять как реальную обязательную валентность, так и потенциальную факультативную.

Сложнее обстоит дело с толкованием валентностных свойств служебных частей речи.

Одна группа ученых отказывает им в валентностных свойствах: якобы, служебные слова лишь связывают слова в предложении, обладают связующей функцией, но сами присоединять

к себе другие лексемы не могут в силу малой семантической их плана содержания. Служебная часть речи (как, например, предлоги – в кыргызском языке – союзы, частицы и различные вспомогательные строевые формы глаголов) лишь подчиняется главному знаменательному слову *синтаксически*, а также в некоторой степени и “... семантически распространяет главное слово (поясняет, дополняет и уточняет его), грамматически ему подчинено” [11, с. 8; см. также: 12, с. 10; 13, с. 106].

Другие же ученые считают, что и служебные слова обладают валентностными свойствами, поскольку в этом отношении они ничем не отличаются от знаменательных слов. Все дело в том, что в отличие от слов знаменательных, большей частью управляющих соотнесенными лексемами, служебные слова могут как управлять другими лексемами, так и управляться со стороны других лексем. Но в любом случае служебные слова валентностными свойствами обладают. Так, в индоевропейских языках “...предлог не управляется глаголом, зато предлог управляет следующим за ним существительным; напротив, глагол управляет следующим за ним предлогом, а предлог – примыкающим к нему существительным” [4, с. 227; см. также: 9, с. 31; 14, с. 52].

В) В соответствии с разрешением вопроса о валентностных свойствах знаменательных и служебных частей речи решается вопрос и об активной и пассивной валентности. Здесь существует заманчивая перспектива приписать активность в проявлении валентностных свойств только знаменательным частям речи, а пассивность – служебным. Обычно некоторые авторы склоняются к такой бросающейся в глаза корреляции, считая, что активная валентность присуща знаменательным словам, а пассивная – служебным словам [см. 11, с. 11; 15, с. 4–5; 13, 109].

Представители другой точки зрения полагают, что активность-пассивность валентности зависит не от семантики слова (полнозначное оно или служебное), а от его грамматических свойств и положения в синтаксической структуре предложения. Так, к примеру, в индоевропейских языках и предлоги могут управлять существительными и, следовательно, быть активными, присоединяя к себе существительное в той или иной грамматической форме [4, с. 230; 10, с. 12; 14, с. 57].

Таким образом, поскольку наше сопоставительное исследование имеет предметом анализа глагольные юридические термины, и мы имплицитно признали глагол основой указанных терминов, то постольку мы имеем только одно направление и один путь решения данной проблемы – признать глагол-верб основным элементом и основой сопоставляющей теории валентности.

Литература

1. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 5. Кл-Ма. М.: Большая российская энциклопедия; Мир книги, 2007. 512 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
3. Кацнельсон С.Д. О грамматической категории / С.Д. Кацнельсон // Вестник леингр. гос. Университета. Сер. Истории, языка и литературы. № 2. Л., 1948.
4. Степанова М.Д. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке / М.Д. Степанова, Г. Хельбиг. М.: Высшая школа, 1978. 258 с.
5. Fourquet J. Valenz und Struktur // Beiträge zur Valenztheorie / hrsg. von G. Helbig. Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 2014. S. 11–16.
6. Flaemig W. Valenztheorie und Schulgrammatik // Beiträge zur Valenztheorie / hrsg. von G. Helbig. Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 2011. S. 105–122.
7. Копыленко М.М. Сочетаемость лексем в русском языке: пос. для студ. / М.М. Копыленко. М.: Просвещение, 1973. 118 с.
8. Beiträge zur Valenztheorie / hrsg. von G. Helbig. Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1971. S. 143.
9. Орозалиев Ж.Б. Когнитивно-семантические и структурные основы фразеологизации спортивных терминологических словосочетаний (на мат. англ., русск. и каз. яз.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ж.Б. Орозалиев. Алматы, 2006.
10. Айдыралиева Т.М. Семантико-валентностное сопоставление кыргызских служебных имен и их функциональных соответствий в английском языке: автореф. ... дис. ... канд. филол. наук / Т.М. Айдыралиева. Бишкек, 2011. 26 с.
11. Прокопович Н.Н. Именное и глагольное управление / Н.Н. Прокопович и др. М.: Русский язык, 1981. 189 с.
12. Чеснокова Л.Д. Связи слов в современном русском языке / Л.Д. Чеснокова. М.: Просвещение, 1980. 110 с.

13. *Bondzio W.* Valenz, Bedeutung und Satzmodelle // Beiträge zur Valenztheorie / Hrsg. von G. Helbig. Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1971. S. 85–103.
14. *Abramov B.A.* Zur Paradigmatik und Syntagmatik der syntaktischen Potenzen // Beiträge zur Valenztheorie / hrsg. von G. Helbig. Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 2018. S. 51–66.
15. *Карабаева С.Р.* Справочник по русскому глагольному управлению / С.Р. Карабаева. Фрунзе: Мектеп, 1984. 104 с.